

Агеев А. И., докт. экон. наук, профессор, академик РАЕН, генеральный директор Института экономических стратегий, главный редактор журнала «Экономические стратегии», г. Москва, ines@inesnet.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РОССИЙСКИЙ КРИЗИС

Степень интеграции России в мировую экономику достаточно высока. С этим связаны и значительные преимущества для развития национальной экономики, и серьезные проблемы. Россия не может не испытывать на себе последствия финансового кризиса, который сегодня переживает весь мир.

Редакция журнала публикует мнение по данному вопросу доктора экономических наук, профессора, академика РАЕН, генерального директора Института экономических стратегий, главного редактора журнала «Экономические стратегии» Агеева Александра Ивановича.

— *Может ли современная экономическая наука дать власти убедительные рекомендации, как минимизировать последствия мирового финансового кризиса в нашей стране?*

— Более года назад на VII Глобальном стратегическом форуме в октябре 2007 г. мы с профессором Герхардом Меншем¹ в своих выступлениях показали картинку цунами как символ времени. Идея была такая. В мире уже бушует цунами, однако Россия считает, что она уютно расположилась в пространстве, называемом «глаз тайфуна». Подобный эффект затишья, действительно, на некоторое время возникает внутри природных тайфунов. Еще тогда, в 2007 г., было ясно, что ни Россия, ни какая-либо другая страна не сможет долго удержаться в такой нише. Любой ураган либо затухает сам по себе, либо преодолевается антиураганом, а «глаз тайфуна» недолговечен и не привязан к одной точ-

ке пространства. В качестве антикризисной политики подробно рассматривались практики цунами инноваций. Участники форума точно предсказали сдвиг сценариев глобализации в пользу регионализации с палитрой протекционистских мер и нарастанием хаотичности мировой динамики. Спустя год после этих оценок — на московской сессии VIII Глобального стратегического форума — не только была констатирована точность предвидения будущих сценариев, но и проанализирован спектр новых рисков. Стоит заметить, что два года подряд (2008 и 2009 гг.) Всемирный экономический форум в Давосе в своих экспертных оценках на будущее был весьма близок к позиции участников VII и VIII Глобальных стратегических форумов.

Если взглянуть на карту мира 1900 г., легко заметить, что основные мировые конфликты назревали и вспыхивали вокруг доступа к ключевым источникам энергоресурсов и вокруг основных каналов торговли и коммуникаций. Социальная турбулентность начала века имела глобальный размах: начавшись с англо-бурской войны в Африке, она продолжилась русско-японской войной, революциями в Мекси-

¹ Герхард Отто Менш — профессор, председатель Международной лиги стратегического управления, основатель-президент компании *Investment Innovation Ltd.*

ке и других странах Южной Америки, серией европейских войн, предшествующих Первой мировой. Вслед за этим — каскад революций и гражданских войн, крах нескольких империй.

Это всего лишь несколько фраз — а какие колоссальные сдвиги они маркируют!

Экономическая динамика в этот период также претерпела две мощнейшие волны преобразований. С одной стороны, возник новый технологический базис, давший новые средства ведения войн, а с другой — радикально изменились и структура собственности, и конфигурация игроков. Достаточно напомнить, что накануне Первой мировой войны в США была создана Федеральная резервная система, и масштаб участия государства в экономике стал определяющим для инвестиционных потоков, для выстраивания лоббистских групп и ориентации массовых политических движений. Три десятилетия данных сдвигов и попытки — как стихийные, так и рукотворные — установить равновесие на рынках привели к относительно спокойным, а по сути, к релаксационным 1920-м годам и к новому глобальному неравновесию конца 20-х (Великая депрессия в США и в западном мире в целом, «великий перелом» в СССР, приход национал-социалистов в Германии и активизация милитаристских планов Страны восходящего солнца).

Вторая мировая война подвела итоги этому двадцатилетию глобального передела мира. Инерция послевоенных принципов распределения сил, ресурсов, резервных валют и технологических проектов, политических влияний и идеалов действовала вплоть до 90-х годов, пережив беспрецедентный мировой демографический прирост, деколонизацию, гонку ракетно-ядерных вооружений, сотни локальных конфликтов, «нефтяные шоки», экспансию средств массовых коммуникаций и т. п.

Даже краткий обзор немногих ключевых событий предшествующего века по-

казывает нарастание сложности устройства жизни нашего «человека», хроническую турбулентность, лишь локально и/или на короткие периоды инкрустируемую видимостью стабильности. В этом смысле разворачивающийся в наше время вихрь разнообразных по генетике и проявлениям кризисов отнюдь не нов, а вполне логичен как очередной сбой системы мироустройства. Но в причинном анамнезе лежат в первую очередь демографическая, экологическая и технологическая подоплеку. Рождавшиеся в середине XX в. каждый год новые 70–90 млн человек образовали колоссальный по объему и исторической энергии, сложнейший и неуравновешенный по многим параметрам организм, целеустремления которого стали главной ареной борьбы идеологических доктрин, препарирующих ни больше ни меньше смыслы человеческого бытия. При этом прежние лидеры идеалотворчества переживают серьезные депопуляционные болезни.

В свое время Че Гевара заметил: «Начинает оживать этот мир, полный горячих сердец и кулаков, которые чешутся от желания умереть за свою землю и отстаивать свои права, в течение 500 лет попираемые то одними, то другими», и этот «марш гигантов не остановится до тех пор, пока не завоюет истинную независимость и свободу, за которую столько раз умирали впустую». Вот этот пласт тектонических социальных энергий не стоит забывать, анализируя финансово-технические нюансы современного — на первый взгляд финансового — кризиса.

— Вы провели весьма интересную работу по оценке интегральной мощи ведущих стран мира. Каковы ее основные результаты с точки зрения возможностей позиционирования России в мире?

— Проведенный в 2008 г. международный анализ 100 ведущих стран мира по параметрам их интегральной мощи продемонстрировал весьма интересные ре-

зультаты. Этот анализ опирался на методологию стратегической матрицы оценки потенциала государств, специально разработанный программный комплекс и участие международного коллектива экспертов. Спектр сценариев глобального развития включает четыре базовых сценария. Из них в настоящее время доминантными являются сценарий умеренной глобализации, предполагающий рост новых центров влияния и сохранение ключевых трендов глобализации в международных отношениях и технологическом развитии, и сценарий регионализации рынков капитала, рабочей силы, производства и товаров. При этом целый ряд процессов соответствует содержанию сценария «хаос»².

Данное исследование выявило, что ряд стран продемонстрирует в ближайшие 20 лет рекордный рост интегрального показателя мощи (ИПМ). Это прежде всего Китай, Бразилия, Индия, Иран и Вьетнам. Существенной будет эрозия интегральной мощи таких стран, как Пакистан, США, Турция, Норвегия. Стратегический профиль России на фоне других стран БРИК свидетельствует о том, что у нас весьма схожие проблемы. Кроме того, интегральный взгляд на реальную мощь России показывает, что, несмотря на преимущество и лидерство Японии по целому ряду технологий, все-таки эта страна существенно уступает по мощи такому «большому медведю», каким является Россия.

Другое дело, что эпоха турбулентности означает высокую вероятность различных сценариев эволюции стран мира, особенно России. Если по 10-балльной шкале Россия имеет почти 6 баллов (это уровень великой державы с несбалансированными факторами мощи), то в ближайшие 10 лет есть риск скатывания до второстепенной региональной державы с падением пока-

зателя ИПМ до менее 3 баллов. Однако есть и возможность укрепления в статусе страны со сбалансированной мощью и сохранения текущего четвертого места в мировом рейтинге наиболее мощных держав. Этот вывод представляется одним из важнейших, в том числе для реалистичного позиционирования страны в мире, где рейтинговые оценки играют стратегическую роль в принятии инвестиционных и иных управленческих решений.

— В свое время Вы неоднократно отмечали, что обязательная программа текущего анализа и прогноза — финансовый покров, структурная подоплека и духовный смысл. Можно ли с этих позиций охарактеризовать облик современного кризиса?

— Действительно, чтобы глубже проникнуть в суть, на нынешний кризис необходимо взглянуть с трех точек зрения. Это — финансовый покров, структурная подоплека и духовный смысл глобального кризиса.

Как известно, объем мировой экономики в настоящее время превышает 50 трлн долларов. Что из этой массы продукции и услуг является жизненно важным, а что жизненно вредным? Показатель ВВП не идеальное, но удобное первое приближение к пониманию экономики. Однако важно то, что объем всевозможных финансовых инструментов, выпущенных особенно избыточно за последние лет 20, превышает, по самым осторожным оценкам, 100 трлн, а с учетом производных бумаг — 700 трлн долларов. При этом понятно, что никто не даст точной оценки этого квазиденежного вихря. До какой степени можно растягивать пропорцию реальных и фиктивных активов — вопрос эмпирический. Сегодня одни финансисты впали в отчаяние, другие с азартом продолжают играть и выигрывать. Рентабельность финансовых спекуляций, как и предусмотрено в казино, и до кризи-

² Подробнее см.: Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран мира / Под ред. А. Агеева, Г. Менса, Р. Метьюза. М.: ИНЭС, 2008.

са была внушительной для относительно широких масс, таковой она остается и сейчас — правда, для сузившегося круга особо удачливых или особо приближенных к источникам генерирования настоящей ликвидности. Многие события сегодняшних дней и их логика напоминают рисунок разворачивания коллапса американского финансового рынка более 70 лет назад, при том, что генеалогия современных финансовых технологий восходит к весьма древним временам. Дефолт как способ восстановления равновесия на финансовых рынках вообще является одним из ключевых методов в успешной экономической истории США. В любом случае огромная масса обесценившихся финансовых инструментов схлопнется. Однако нет ни одного игрока, который был бы заинтересован все это фиктивное, но глобальное хозяйство обрушить молниеносными темпами и общепланетарно. Стоит также заметить, что доллар сегодня обслуживает не 80 % мировых расчетов, как лет 30 назад, а менее 50 %. И это существенно.

С точки зрения экономической структуры за кризисом скрывается мощный технологический сдвиг, означающий мощное перераспределение ресурсов и выход на первые роли новых героев. Для полноты картины учтем, что основные дивиденды из повышения цен на нефть извлекали не только арабские шейхи, и не только Россия. Понятно, что за этим стояли серьезные транснациональные корпорации, которые за счет 5–7-летнего ралли цен на нефть собрали очень солидные ресурсы для инвестиций в новые сектора. Безусловно, вопрос использования накопленных ресурсов и эмиссионных рычагов — предмет жесткой политической борьбы.

Важнейший вопрос, который сейчас стоит: захлебнется ли технологический прогресс на Западе из-за дефицита инвестиций? Беспристрастный анализ показывает, что принципиального торможения технологического прогресса не будет. Бо-

лее того, мы видим, что научно-технологическая революция разворачивается фантастическими темпами. Безусловно, такие сектора, как металлургия, финансовый и торговый, претерпят значительные изменения, но темпы роста высокотехнологичных отраслей будут измеряться 10–30 % в ведущих странах.

Пружины инновационного прорыва — конвергентные технологии: нано-, био-, информационно-коммуникационные технологии, новые материалы. Взаимосвязанно они представляют собой ядро нового, 6-го технологического уклада. В России и 5-й уклад представлен слабо, а фокус конкуренции за экономическое, социальное и военное лидерство в мире уже наведен на следующую технологическую волну. К счастью, у нас еще в активном возрасте поколение, которое способно совершить инновационный прорыв. По сути, страна сейчас живет талантами тех матерей и отцов, которые родили детей в 50–70-е годы. Поколение, чья социализация пришлось на «ревушие 90-е», и количественно, и качественно обладает намного худшими данными для инновационного прорыва. Отсюда жесткое требование к государственным тратам и инвестициям: не только спасать финансовый сектор и неудачно задолжавшие зарубежью корпорации, считающиеся «национальным достоянием». Важно успеть не только в декларациях, но и на практике поддержать инновационный прорыв. Такова структурная подоплека кризиса.

С духовной точки зрения кризис является нашим большим Учителем — он учит прежде всего ценить не деньги и их суррогаты сами по себе, а подлинный смысл жизни. Ценить не новую модель «Порше», а краюху хлеба, которой может не оказаться под рукой. Ценить не гонку аксессуаров к телефонам или особняку, а саму возможность и радость творчества. Он учит ценить наличие или отсутствие лекарств. Ценить не «казаться», а «быть». Кризис возвращает огромные массы населения,

в том числе и олигархического контингента, к пониманию, ощущению, вкусу, созерцанию, слышанию истинного смысла жизни. И в этом его глобальная польза.

Следует подчеркнуть, что ключевые фигуры американской элиты прекрасно осознают именно технологическую и духовную подоплеку кризиса, рассматривая вполне инструментально управление «токсинной» массой финансовых обязательств. Неслучайно А. Гринспен подчеркивает, что для США «самое важное –... это увеличить приток квалифицированной рабочей силы и провести реформу образования». И новый президент США Б. Обама настолько форсированно ставит акценты на этических аспектах кризиса, что финансово-технические аспекты урегулирования неравновесий на финансовых рынках меркнут.

— *Есть ли подобное осознание в рядах российской элиты?*

— Наша главная элитная проблема была выявлена еще В. О. Ключевским, печально констатировавшим по поводу одного исторического периода, что «в этом придворном обществе напрасно искать деление на партии», в нем — «борьба инстинктов и нравов, а не идей и направлений».

Вот почему так важно сегодня в поисках антикризисных стратегий обратиться прежде всего к пространству идей — желательного вечных.

*Беседу вела
главный редактор журнала
Т. С. Новашина*

*A. Ageev, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Economic Strategies,
Social Sciences Directorate, Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief,
Ekonomichaskiye Strategii (Economic Strategies) Journal*

GLOBALIZATION AND THE ECONOMIC CRISIS IN RUSSIA

The Russian economy is rather well-integrated into the world economy. This is why the Russian economy has both the advantages and the serious disadvantages when it comes to the Russian national economy development. Russia cannot help being affected by the aftermath of the financial crisis the world is suffering from.

Our editorial board offers here a description of Mr. Ageev's point of view on the matter.